

В плену у Великих старух

Малый театр — накануне 175-летнего юбилея

Знающие люди говорят, что такого красивого закулисья, как в Малом, нет больше ни в одном театре мира. Разве что в "Комеди Франсез". Мы с Татьяной Петровной беседуем в ее гримборной. Это единственная в театре гримборная, вход в которую — из Ермоловского фойе. Ермоловское — артистическое фойе, где участники спектакля ждут своего выхода на сцену. Имя ему дал знаменитый портрет Марии Николаевны Ермоловой в полный рост.

Здесь готовились к спектаклю Южин, Пашенная, Гоголева. Теперь — Татьяна Панкова.

— Актрисой я мечтала быть с детства, — рассказывает она. — С тех самых пор, как мой старший брат стал артистом. Он приходил с работы и соблазнял меня своими рассказами о театре. Но так как я очень некрасива (да-да, не смотрите на меня так, сейчас я Полина Виардо или Наталья Гончарова в сравнении с той, какой была в молодости), то очень сомневалась, что меня примут в театральную вуз. И в то же время не могла примириться с тем, что не стану актрисой. Ладно, думала я, по крайней мере буду знать, что пыталась. Отец был категорически против моей идеи, так что пришлось мне сначала закончить физико-математический факультет Ленинградского университета. После этого поехала в Москву и поступала во все театральные вузы, везде была принята, но моя мечта была Щепкинское.

— Сегодня студентам живется нелегко, но до войны и во время войны вам, наверное, было не легче...

— Да, в Москве я жила в общежитии. Жила очень бедно — помогать мне мои родители не могли. Слава Богу, нас всех выручал "Мосфильм". Массовки, озвучение... Озвучение проходило не так, как сейчас. Например, голос у меня низкий, и я горжусь тем, что ржание лошади под Ворошиловым в "Первой Конной" — это моя запись!

Но училище я окончила на сплошные долги. Поскольку была очень точная, меня всегда все выручали. Последний долг отдала Игорю Владимировичу Ильинскому, который никому не одалживал денег — только мне. Потому что знал: если я сказала, что отдам второго днем, то это не будет второго вечером.

— Татьяна Петровна, как началась ваша творческая жизнь в театре?

— Я окончила училище в 43-м году и сразу была принята в фронтовой филиал Малого. Мы играли буквально на передовой — за 700 метров от линии огня. В лесу солдаты соорудили нам сцену. Но как только зажигался свет и начинался спектакль — летели "мессершмиты", мы прятались под сцену, свет гасили. Спектакли шли по семь-восемь часов. А в декабре сорок пятого меня отозвали в Москву — играть в пьесе Погодина "Сотворение мира".

— Удивительно, сразу после училища вы стали играть в очереди с самыми знаменитыми артистками...

— На мое счастье, тогда в театре среднего поколения почти не было: старики и молодежь. Почему? Старики долго не признавали вторых составов. Боялись соперников? Не думаю. Кого могла бояться великая Пашенная? Она мне объясняла: "Я не боюсь, что кто-то еще сыграет мою роль. Это даже хорошо, потому что не всегда есть вдохновение (а Вера Николаевна была актрисой вдохновения). Но для меня роль — живой человек. И вот она ушла к другой. Возникает чувство,

будто она мне изменила. Ну и уходи! Я перестаю любить роль и начинаю играть все хуже и хуже".

Но когда я пришла в театр, старики уже стали понимать, что без вторых составов им не обойтись. Кроме того, у Веры Николаевны была идея: в Малом не должно быть отмены спектаклей. И вот я с ней вместе репетировала Кабаниху.

— Почему Кабаниху, ведь вам в то время было немногим за двадцать?

Все заволновались: кому? В цветах была записка: "Панковой от Михоэлса". Он был на спектакле. Эти три роли оказались моим становлением. С тех пор я всегда в работе.

— И у вас никогда не было неудач, провалов?

— Ну что вы! Я так плохо играла в пьесе Гольдони "Бабы сплетни", что, когда приехала в Венецию, отыскала памятник Гольдони, встала перед ним на колени и попросила прощения за то, что я его так опозорила.

что не ушла вовремя со сцены. Засмотрелась, заслушалась и продолжала стоять. Гениальный Остужев вовремя нашелся и, не выходя из образа, царственным, повелительным жестом показал мне на дверь (кулису). Но по мизансцене он мог показать только в противоположную от меня сторону. Я очнулась и смиренно пошла в указанном направлении через всю сцену. Мне казалось, что я иду целую вечность и этот путь никогда не кончится.

"Ну, это руководство к куроводству!" Многие не воспринимали, а многие — та же Пашенная, Яблочкина — очень внимательно относились к системе Станиславского.

— Татьяна Петровна, какой урок из тех, что вам преподнесли великие "старухи", вы считаете самым главным в своей жизни?

— Вера Николаевна Пашенная в последние годы жизни очень болела. И настал день, когда я играла вместо нее. Смотрю, она перестала ходить в театр. Встречаю ее дочь Ирину Витольдовну Полонскую: "Неужели Вера Николаевна не будет больше играть?" Она отвечает: "Таня, у нее очень мало сил, она боится, что не доиграет спектакль". — "Да нет, — говорю я, — она отлично доиграет. Скажите, что я буду сидеть в гриме и костюме за кулисами, пусть она играет — не сможет, выйду и доиграю я".

Вера Николаевна согласилась и стала играть. Сначала говорила: "Гримироваться не надо". Потом: "Танечка, загримируйтесь, но костюма не надевайте. Успеем". И через некоторое время: "Будьте в полной форме".

Так я дежурила за кулисами во время всех ее последних "Гроз". И вот однажды, отыграв два акта, она сказала: "Таня, идите, я не могу больше". Я отвечаю: "Вера Николаевна, если вы сейчас не выйдете, вы никогда уже не выйдете на сцену. Давайте я буду стоять у занавеса. Если вы бросите платок — дам занавес". Она вышла на сцену и начала играть. Задыхается, потом смотрю — одышка проходит... Все доиграла. Но больше никогда не вышла на сцену. Потом сказала мне: "Танечка, я на вашей воле доиграла. Но главное — зритель ничего не заметил". Это тоже одна из традиций Малого театра: как бы тебе ни было плохо — ты должна радовать зрителя своей работой.

— Татьяна Петровна, вы живете большой и прекрасной жизнью в искусстве. Есть ли у вас заветная роль, которую вы так и не сыграли?

— Несколько лет тому назад, в юбилей Достоевского, нашему русскому режиссеру один американский продюсер предложил сделать "Игрока". Там должна была сниматься Настасья Кински и другие замечательные актеры из Франции, Англии, Германии. Бабуленьку должна была играть я. В один прекрасный день мы полетели на съемки в Баден-Баден, но там вдруг обнаружилось, что счет нашего американца арестован. Все разъехались по домам. Ничего не состоялось, а наш режиссер даже заболел с горя. Бабуленьку мне давно хотелось сыграть. Я даже говорила об этом Львову-Анохину, который работал в нашем театре. Наши желания совпали. Но вскоре Борис Александрович из театра ушел. Опять все оборвалось.

А роль Бабуленьки для меня по-прежнему остается заветной. И мысль Достоевского, которую он выразил в этом образе, о том, что русский человек не может жить на чужбине, что там он теряет самое себя, по-прежнему очень актуальна.

Пройдет всего несколько дней, и 26 октября вся труппа Малого — от старейшин до "первогодков" — выйдет на прославленную сцену в праздничном представлении к 175-летию театра. Рядом с Татьяной Петровной Панковой встанут совсем юные девочки. Им она передаст все, что получила от великих "старух", а они в свою очередь... И этот сладостный плен искусства — навсегда.

Беседовала Татьяна СЕМАШКО.

22.10.99
Панкова Татьяна Петровна

Татьяна Панкова

— Мне было тогда лет двадцать шесть. Как Блюменталь-Тамарина, я сызмальства играла пожилых женщин. Причем не делала ни старческой походки, ни голоса — просто играла по существу, а выходя на сцену, становилась старше. Я только сейчас играю роли своего возраста. До этого — женщин старше себя лет на сорок — пятьдесят.

Первая моя роль в очередь с Верой Николаевной была Ефросинья Старицкая в "Иване Грозном". Тогда мне исполнился двадцать один год. Вера Николаевна сломала ногу в щиколотке — как электрическую лампочку разбила. Это было надолго, а спектакль очень любил Сталин. Смотрел его раз шесть или семь. В то время, как вы понимаете, желанные привилегии — без вни-

Евдокия Турчанинова

росинью. Это была моя вторая роль после "Сотворения мира". И первое огромное счастье.

Третья роль в моей жизни — Степанида в "Мещанах". На премьере у всех на столах полно цветов, только мой столик пустой. К концу спектакля вдруг приносит в кадке куст сирени.

"Старухи" Малоги — это не возраст. Это высокое звание.

В нем творческая зрелость и связь времен. Его носили Варвара Рыжова, Евдокия Турчанинова, Александра Яблочкина, Вера Пашенная, Елена Гоголева... И все они были партнерами по сцене народной артистки России Татьяны ПАНКОВОЙ, которая работает в Малом вот уже 60 лет.

Вера Пашенная

— До сих пор существует точка зрения, что Малый — это актерский театр, где труппа не терпит режиссуры и задача режиссера сводится к тому, что он должен лишь разводиться артистов, чтобы они лбами не сталкивались...

— Мой учитель, Константин Александрович Зубов, умел работать с актером так, что тому казалось — он все сам сделал. Что режиссер ему и не нужен. Но только потом, глядя уже на сыгранные роли, все понимали, в чем состояла заслуга Константина Александровича. Именно такая работа с актером в традиции Малого театра.

Известно: Станиславский писал свою систему с наших "стариков". Он видел, как работали Ольга Осиповна Садовская, Музиля-Рыжовы, и

Александра Яблочкина

все это синтезировал, интегрировал. Я застала тот момент, когда Илья Яковлевич Судак, который пришел в Малый худруком, внедрял здесь систему Станиславского. Помню, как Судак рассказывал нашему замечательному артисту Михаилу Францевичу Ленину о "зерне" роли, а тот отвечал: